

Стеклянный дом

Автор:

[Наталья Дым](#)

Стеклянный дом

Наталья Михайловна Дым

Альтернативная реальность #2

Умереть. Уснуть. И видеть сны. Вернуться в рай – и снова быть изгнанным без надежды на возвращение. Стать изгоем. Проживать человеческие жизни, падая все ниже и ниже. Проходить ад круг за кругом, мечтая вновь увидеть потерянный рай. Чистенький стерильный рай, уверенный в своей несокрушимости. Но почему живущие в нем, те, кто решает, раз за разом обрекают человека на страдание, на потерю той самой человечности? Зачем он вообще нужен – такой рай?

Наталья Дым

Стеклянный дом

«Тот, кто живет в стеклянном доме, не должен бы бросаться камнями в других»

Роберт Льюис Стивенсон

Первый раз он загремел по глупости. Ну, и по дурости тоже. Молодой был, любопытный очень. «Умом резвый» – сказали бы про него по другую сторону купола. А здесь, здесь считали природным сбоем. Но на первый раз срок

присудили небольшой. Всё же молодой ещё, зелёный. Давали шанс исправиться. Да и преступление его было не самым серьёзным. Всё же кража яблок из сада Всезнающего – это вам не убийство или, не дай Разум, призывы против власти, дарованной Всемогущим. Вот за такое можно было сразу «вышку» схлопотать. Без права на апелляцию.

Он помнил, как стоял первый раз перед высокой трибуной Судьи и отчаянно трусил, когда выслушивал слова приговора.

– Именем Всемогущего и волей Всезнающего, на основании статьи одна тысяча триста тринадцатой пункт один дробь три приговаривается к одному сроку в колонии первого уровня.

Это был мягкий приговор, очень мягкий. Спасибо адвокату, которого отец нанял. Не потому, что сильно любил сына, любовь к чадам у них вообще не в чести была, а потому, что надеялся, что его отпрыск всё же не генетический мусор, а просто глуп в силу своего юного возраста.

Димка смотрел, как на крышку гроба падают куски рыжей глины. Шмякаются, громко чавкая. На душе было мутно и тошно.

Катка, конечно, дура. Разве можно было из-за такой глупости-то вены вскрывать? Подумаешь, парень бросил. Да и парень... Мажор чёртот. Смазливый и слащавый.

Мысли в голове были медленные и противные, как скользкие рыбины в вонючем бассейне рыбозавода, где Димка работал. Ума-то поступить в колледж после школы не хватило. Не то что этот мажор. И при машине, и при деньгах. Вот

Катька, дура, и соблазнилась. А ведь они с Димкой хотели расписаться. Вот ведь дура. Вены-то зачем?! Он бы простил... Подумаешь!

Димка возвращался после похорон один, когда ранние осенние сумерки уже опускались на их посёлок. Шёл, почти не чувствуя, как за воротник заливаются холодные струйки дождя. Рядом затормозил автомобиль.

– Парень, чего мокнешь? Садись, подвезу!

Димка не поверил своим глазам: за рулём дорогого авто сидел тот самый мажор. Молча кивнув, Димка протиснулся в открытую дверцу.

– Замёрз? Коньячку хочешь? – мажор улыбался и подмигивал ему, словно бы и не знал, что из-за него Катька...

– А я на дискотеку в местный клуб собираюсь. У вас там такие нимфы встречаются, – мажор достал из бардачка бутылку, лихо скрутил пробку одной рукой и сделал глоток. – Ну, будешь, что ли?

Димка сам не понял, как его собственные руки вдруг сомкнулись на шее мажора. Тот дёрнулся, пытаясь освободиться, автомобиль вильнул по мокрой дороге, откуда-то сбоку вдруг вырвался ослепительно яркий свет... Удара Димка уже не почувствовал.

Следующее заседание было скорым и каким-то рутинным. И вместо дорогого адвоката был общественный защитник.

– Именем Всемогущего и волей Всезнающего, по статье шестьсот шестьдесят шесть часть один дробь три приговаривается к повторному сроку в колонии третьего уровня.

Он вздрогнул. Третий уровень – это тебе не мирная жизнь в пусть и провинциальном, но довольно комфортабельном посёлке. Конечно, разнорабочий – это не манна небесная, но тут уж ничего не попишешь. По закону заключённым запрещалось иметь таланты, интеллект выше среднего или выдающиеся физические данные. Не для того преступников по ту сторону купола отправляли, чтобы они жизнью наслаждались. Он должен был прожить жизнь серенького туповатого мужичка. Работать, жениться на такой же серой мышке, нарожать детей – так же амёб, как он сам. И не совершать никаких преступлений. Но при этом – не помнить, что он отбывает наказание. Самоубийство приравнивалось к побегу. Убийство другого человека – отягчающий фактор.

Адька сидел в погребе и молился. Главное, до вечера дотерпеть, а там, в сумерках, можно будет вылезти из тёмной, пахнувшей сыростью и гнилой репой ямы. Размять ноги, сгонять до перелеска, набрать ключевой воды и ягод. Да и разжиться какой-нибудь едой посерьёзней. Когда уставшие солдаты в просолённых от пота рубахах уснут, выпив мутного самогона и закусив кашей со смальцем из общего котла. Вот тогда можно насобирать недоеденных кусков хлеба, выскрести подгоревшие остатки каши... Да и мало ли что ещё может обнаружиться в солдатском лагере.

Их деревенька вот уже несколько месяцев находилась на рубеже. Почти ежедневно она переходила из рук в руки враждующих сторон. Кто был прав в этой нескончаемой войне, Адька не знал. Да и всё равно ему было. Жили они тихо с отцом и мамкой. Копали огород, пасли крохотное стадо коз и овец. Но угораздило же оказаться точнёхонько в самом сердце войны не пойми за что!

Огород зарос бурьяном, а овец и коз сожрали солдаты. Отец и мать вместе с остальными жителями деревеньки собрали остатки своего нехитрого скарба и ушли. А Адька – остался. Почему – сам не знал. Не пускало его что-то отсюда. Держало крепко-накрепко.

А может, дело было в странных снах, которые снились ему только тут, а вот в городе, например, нет. Бывал там Адька с отцом несколько раз. Даже ремеслу обучался у одного мастера, но сбежал. Тосковал по снам своим. Их было два вида. Один – радостный и лёгкий. В нём было много света, слюдяные пылинки, танцующие в солнечном луче, рыжий пушистый котёнок, бодающий крутым лбом его ладонь, и незнакомые люди вокруг. Но Адька их не боялся. Потому что они все были с открытыми, улыбчивыми лицами и от них исходили волны ласкового добра. И Адьку наполняло ощущение покоя и защищённости. Эти сны Адька про себя называл: «Я – дома», хотя ничего общего с их непритязательной убогой деревенькой в тех снах не было. У них даже котята были пыльно-серые и с младенчества дикие и жестокие. Как и весь мир вокруг.

Второй сон был тревожный и муторный. И очень похожий на окружающую действительность. Чаще всего в нём была грязная вонючая вода и кишасщие в ней рыбины, которых было так много, что под ними этой самой воды почти и не было видно. Реже – ослепительный яркий свет, с огромной скоростью несущийся прямо на Адьку. Первый сон Адька любил и ждал. Второй – просто терпел, он был зачем-то нужен ему. Адька подспудно это чувствовал.

Он вынырнул из своих невесёлых мыслей и чутко прислушался. Что-то шумно сегодня было в лагере. Любопытство и страх боролись друг с другом. Любопытство победило.

Адька по-беличьему шустро выбрался из погреба и серой мышью скользнул поближе к огромному костру, разожжённому за околицей деревеньки, от которого на всю округу аппетитно тянуло запахом жареного мяса.

В освещённом неровным рыжим огнём круге металась девушка, а гогочущие солдаты ловили её, хватая за полы платья, иногда у кого-то из них оставался в руках кусок ткани.

На душе стало муторно, как после сна с рыбинами. Адька прекрасно знал и понимал, что сделают с девушкой разгоряченные самогонкой и вседозволенностью мужики. Но какое ему до этого дело? Адьке же лучше, если всем им будет сегодня не до ужина, – ему улов побольше достанется. Он постарался отключиться от всех посторонних звуков, сосредоточиться на тихом шелесте ветра, представлял, как напьётся сейчас свежей холодной воды, потому что та, что он набрал вчера, к концу дня нагрелась, а тёплой водой не напьешься вдосталь...

Адька остановился как вкопанный, удивлённо крутя головой. Он почему-то пришёл вовсе не к лесному ручью, а к своему схрону, в котором были надёжно припрятаны его нож и небольшой лук, с которыми он в редкие мирные дни охотился на зайцев или уток. Конечно, из ружья получилось бы сподручнее, но выстрелы хоть и были делом привычным на войне, всё же могли привлечь ненужное внимание военных.

Адька зачем-то взял в руки лук, тронул тугую тетиву пальцем, нацепил самодельный колчан, сунул в голенище нож и крадучись отправился обратно к костру. Зачем – он и сам не понимал.

Девчонка у костра уже не металась, а сидела на коленях у одного из солдат. Тот крепко держал её за плечи одной рукой, а другой пихал в плотно сомкнутые губы жестяную кружку. Остальные с жадным любопытством следили за товарищем, подбадривая девушку громкими возгласами, перемежающимися хохотом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/dym_natal-ya/steklyannyu-dom

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)